

стьянству, онъ печаталъ статьи противъ указа 9 ноября и въ своей газетѣ (выше уже было упомянуто о статьѣ въ «Народномъ Пути» на эту тему А. С. Посникова). При все болѣе надвигавшемся тяжеломъ безвременьи Якушкинъ уже не могъ поправиться.

Я не пишу панегирика Якушкину, — онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, память которыхъ не нуждается въ преувеличенныхъ похвалахъ; желая быть правдивымъ, я долженъ сказать, что В. Е. Якушкинъ не занялъ мѣста въ первыхъ рядахъ русскихъ историковъ, онъ не былъ блестящимъ публицистомъ, онъ не выдѣлился какъ замѣчательный ораторъ ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ земскихъ съѣздахъ, ни въ собраніяхъ Союза Освобожденія, ни въ собраніяхъ Думы, но онъ вездѣ, въ области науки, журналистики и общественной дѣятельности былъ чрезвычайно полезенъ: и какъ историкъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, и какъ университетскій преподаватель, и какъ публицистъ, и какъ усердный работникъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, и какъ земскій дѣятель, и какъ редакторъ газеты для народа и, наконецъ, какъ представитель народа, требующій для него земли: этотъ послѣдній моментъ былъ апогеемъ его дѣятельности, подготовленнымъ всею предшествующею его жизнью. Специализированіе въ какой-нибудь одной области, вѣроятно, сдѣлало бы въ ней имя Якушкина гораздо болѣе замѣтнымъ, но онъ былъ слишкомъ отзывчивый человѣкъ, чтобы замкнуться въ ученую или иную скорлупу. И тѣмъ не менѣе сумма сдѣланнаго имъ въ разныхъ областяхъ весьма велика, и онъ былъ достойнымъ великой хвалы носителемъ своего жизненнаго тягла. Якушкинъ былъ мирской, общинный человѣкъ, онъ охотно несъ невидную коллективную работу. Какъ далеко шагнуло бы наше общество, если бы у насъ было побольше такихъ людей!

В. Семеvскій.

Памяти П. И. Бартенева.

(† 22 октября 1912 г.).

Смерть П. И. Бартенева — несомнѣнно, и смерть «Русскаго Архива». Во всей исторіи русской литературы я не знаю другого такого случая полнаго воплощенія личности редактора, во всемъ ея объемѣ, въ журналѣ, — такого *тождества* человѣка и книги. Жизнь П. И., органически срослась съ жизнью «Архива». И такъ естественно было, что П. И. уже смертельно больной, до послѣдней минуты сознанія подбиралъ матеріалы и правилъ корректуры для своего журнала; и такъ естественно будетъ, что 50-ми годами, въ 1912 г., закончится и существованіе «Русскаго Архива».

Вмѣстѣ они росли и старѣлись. Незамѣтный, никому почти неизвѣстный «домашній учитель» семьи Жуковскаго, позднѣе — бібліотекаръ Чертковской бібліотеки сдѣлался редакторомъ *перваго* историческаго въ полномъ смыслѣ этого слова журнала на Руси, занялъ видное положеніе въ Москвѣ, сдѣлался одною изъ ея достопримѣчательностей; «Архивъ» обратился въ цѣлую бібліотеку томовъ, безъ которой уже никогда не обойдется русская историографія. До конца она сохранила «особый отпечатокъ» Старой Москвы, уже отходящей въ прошлое.

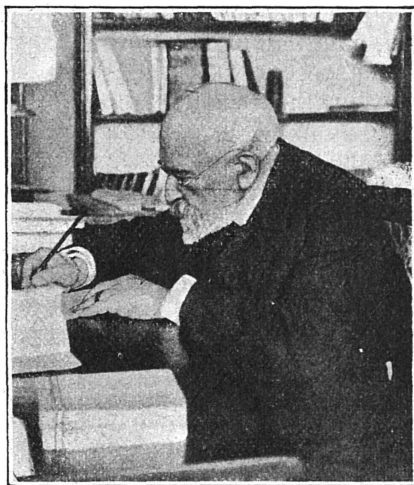
Редакторъ, который при первомъ свиданіи съ сотрудникомъ отбиралъ у него самыя точныя біографическія и генеалогическія справки о немъ самомъ, его женѣ и т. д., который въ своей богатой памяти бла-

оговоѣнно храниль всё «анекдоты прежнихъ дней», для котораго всё преданія прошлаго были жизнью души; журналъ, который 50 лѣтъ намеками или открыто, въ примѣчаніяхъ «П. Б.», твердилъ о томъ, что Елизавета Петровна была обвѣнчана съ Разумовскимъ, а Екатерина II — съ Потемкинымъ, и вель изъ-за этихъ изобличеній, давно уже обросшихъ мохомъ, крайне энергичную борьбу съ цензурой — это ли не «особый отпечатокъ»? Извѣстное преданіе рассказываетъ о великосвѣтской дамѣ, любительницѣ исторіи, которая послѣ смерти, представъ на судъ, прежде всего хотѣла узнать у судіи тайны «Желѣзной Маски», княжны Таракановой и т. д. Къ подобнымъ «историческимъ загадкамъ» всю жизнь тянуло и П. И. Раскапывая родственныя связи современниковъ, ихъ семейныя архивы, онъ все время собиралъ крохи для освѣщенія этихъ загадокъ. И на молодыхъ современниковъ какъ-то странно дѣйствовали всё эти его ссылки на устные свидѣтельства Жуковского, Вяземскаго, цѣлаго Пантеона дѣятелей далекаго прошлаго, которое для П. И. было живымъ...

Онъ любилъ пикантность полной неожиданности. Увидѣвъ въ собесѣдникѣ интересъ къ Радищеву, Новикову, Тургеневу, онъ не возражалъ по существу — всякій интересъ къ прошлому даже у людей «инако мыслящихъ» былъ для него, послѣдовательнаго консерватора, всегда цѣненъ, — но сообщалъ, напр., со словъ Жуковского, Вяземскаго и другихъ именитыхъ покойниковъ, что они — истязали крестьянъ, что въ личной жизни они были очень далеки отъ своихъ «завиральныхъ идей» и т. д. Въ то же время консерватизмъ не мѣшалъ ему съ увлеченіемъ цитировать очень злыя, даже убійственныя для высокопоставленныхъ лицъ эпиграммы Соболевскаго — именно потому, что онъ были убійственно-злы и остроумны. И онъ приводилъ факты, мѣткіе и яркіе, за которые могъ съ радостью ухватиться не только либераль, но и радикаль, и которые въ корѣ были его собственное мировоззрѣніе, потому что историческій анекдотистъ билъ въ немъ въ данную минуту консерватора...

Все или очень многое было создано имъ изъ ничего. У него было изумительное чутье для розысковъ и добычи нужныхъ матеріаловъ. Передъ нимъ открывались завѣтные сундуки, шкапчики, шифоньерки, изъ которыхъ извлеклись благоговѣнно хранимыя семейныя документы. Волей или неволей умножали они богатый архивъ «Русскаго Архива» — тому, что только случайно сдѣлалось частною собственностью, давно бы ужъ пора сдѣлаться собственностью общественною...

50 лѣтъ журналъ жилъ бесплатными матеріалами и бесплатнымъ, за самыми рѣдкими, больше анекдотическими тоже исключеніями, сотрудничествомъ. И это казалось простымъ, естественнымъ не только редактору, но и подавляющему большинству сотрудниковъ. Когда «Архивъ» сталъ хирѣть вмѣстѣ съ П. И., обезпокоенный редакторъ какъ-то заговорилъ со мной о томъ, что нужно его поднять. Сдержанно я указалъ ему на главную причину упадка: теперь уже нельзя базировать дѣла на бесплатномъ трудѣ. — «Я и самъ объ этомъ давно и много думалъ,

П. И. Бартевѣвъ.

В. В. рѣшилъ все измѣнить... платный гонораръ». Но и гонорары вышли анекдотичными и падающаго дѣла не подняли...

Я всегда удивлялся работоспособности и памяти П. И. Онъ никому, до послѣдней минуты, не уступилъ не только редакторской, но и корректорской работы. Я бывалъ у него въ разные часы, и неизмѣнно заставлялъ его за столомъ, за рукописями и корректурами, за новыми историческими книгами — ничто не ускользало отъ его бдительнаго глаза. Большой старикъ, онъ могъ работать по 12 — 15 часовъ въ сутки, сохраняя свѣжесть головы, оживленность, повышенный интересъ ко всему крупному и мелкому въ области нашего прошлаго.

Всегда въ немъ чувствовался историкъ стараго закала — «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма». «Исторіософію» онъ не любилъ такъ же, какъ и иностранныя слова (изъ нихъ онъ, кажется, только и признавалъ слова «архивъ» и «исторія», а остальные всячески старался замѣнить: помню, напр., что онъ обидѣлся на меня за слово «анонимный» въ одной моей статьѣ и вездѣ своимъ характернымъ почеркомъ измѣнилъ его на «безыменный»). Больше всего цѣнилъ онъ личную переписку, мемуары («воспоминанія»), интересовался не процессами, а конкретными явленіями, не отвлеченными разсужденіями, а характеристическими анекдотами, живыми штрихами прошлой жизни, ея интимными подробностями. Именно имъ онъ и давалъ всего больше мѣста въ своемъ журналѣ, который еще долго будетъ неисчерпаемымъ источникомъ такого рода матеріаловъ для историковъ.

Трогательна была въ немъ любовь къ русской поэзіи. Часами могъ онъ цитировать наизусть Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Соболевскаго, не дѣлая ни одной ошибки, передавая весь своеобразный аромать старой дикціи со всѣми ея нюансами. За поэтическій талантъ онъ готовъ былъ простить всю «завиральность» идей, тепло говорилъ даже о «либерализмѣ» Пушкина и Соболевскаго и никогда не упоминалъ о томъ, что онъ «истязалъ своихъ крестьянъ»...

Это была живая лѣтопись нашей литературы за XIX вѣкъ, на «ветшаномъ» пергаменѣ, со странъими подчасъ интерполяціями, всегда своеобразная и интересная, даже тогда, когда рѣчь заходила объ «истязаніи крестьянъ»: то и дѣло онъ проговаривался колоритными, живыми фактами, часто воскрешалъ прошлое до полной осязательности.

Слушая П. И., я чувствовалъ Жуковскаго, Вяземскаго, Соболевскаго... даже тогда, когда они являлись неожиданными свидѣтелями-изобличителями...

Въ П. И. умеръ одинъ изъ послѣднихъ могиканъ старой Москвы, со всѣми ея противорѣчіями, психологическими и жизненными диссонансами. Въ «Русскомъ Архивѣ» онъ оставилъ и поставилъ для себя драгоценный памятникъ — огромный по виду, смѣшанный по содержанию, изъ золота и свинца, съ дѣтски-наивными украшениями и глубокими по смыслу надписями. Невинную слабость къ анекдотамъ ему, конечно, стоило простить; за опубликованіе тысячъ интереснѣйшихъ воспоминаній, писемъ, литературныхъ произведеній, біографическихъ свѣдѣній ему всегда будутъ благодарны всѣ тѣ, кто любитъ прошлое. Какъ сборникъ историческихъ матеріаловъ (*не изслѣдованій*) «Русскій Архивъ» не превзойдетъ еще ни однимъ журналомъ — не только потому, что онъ издавался 50 лѣтъ, но и потому, что П. И. раньше всѣхъ вышелъ на ниву, больше всѣхъ работалъ самъ, собиралъ удачливо все, что только можно было собрать, жалъ тогда, когда колосья ломились отъ зеренъ. Потомкамъ придется имѣть дѣло съ уже сильно оскудѣвшею почвою...

В. Каллашъ.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 1.

Январь.

1913.